

Тотчас из-за стола он встал, вздыхая.

«Клянусь творцом, – он думал, – это бред.
Ведь если дело обсудить в покое,
Уже давно в живых Констанцы нет».
Но через миг он думать стал иное:
«Что, ежели Христос рукой святою
Послал ко мне Констанцу и сейчас,
Как он послал ее к нам в первый раз?»

Чтоб посмотреть, что дальше будет, Аллу
Сенатор пригласил к себе домой
И, пир ему устроив небывалый,
Констанцу попросил войти в покой.
Ах, танцевать охоты никакой
Не вызвало в ней это приглашенье!
Она едва стояла от волненья.

Жену увидев, Алла перед ней
Склонился низко. В этой юной даме
Не мог он не признать жены своей
И залился горючими слезами.
Констанца же стояла, словно камень:
Ей причиненного супругом зла
Она забыть доселе не могла.

Теряла дважды бедная сознание,
А он доказывал, что нет причин
Его винить за все ее страданья.
«Тому свидетель весь небесный чин!
Я так же чист пред вами, как мой сын
Маврикий, столь на вас лицом похожий.
Коль я солгал, срази меня, о боже».

И долго лился горьких слез поток,
Но души их спокойнее не стали.
Никто без жалости глядеть не мог,
Как муки их от плача возрастали.
Но я устал о горе и печали
Повествовать. Скажу лишь в двух словах:
Заря застала их еще в слезах.

Но наконец, когда ей стало ясно,
Что Алла перед ней не виноват,
Сменил стенанья поцелуй согласный
И повторенный сотни раз подряд.
Блаженством большим только райский сад
Их мог бы наделить. Счастливей пары
Не видел, не увидит мир наш старый.

Констанца попросила, чтоб супруг,
Вновь ею обретенный, в облегченье
Ее столь долгих и жестоких мук
Не отказал ей ныне в одолженье:
Чтоб от ее отца соизволенье